

C. Mercuri

Alexand De Pecco

Графиня

покедовае

Аскольд Де Герсо
Графиня поневоле

«Издательские решения»

Аскольд Де Герсо

Графиня поневоле / Аскольд Де Герсо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966852-3

Лизавета Бахметьева, возвращаясь с привычных посиделок, даже представить не могла, что окажется вовлечённой в омут приключений, коварства и интриг, коими был полон императорский двор Санкт-Петербурга.

ISBN 978-5-44-966852-3

© Аскольд Де Герсо
© Издательские решения

Графиня поневоле

Аскольд Де Герсо

© Аскольд Де Герсо, 2019

ISBN 978-5-4496-6852-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аскольд Де Герсо

Графиня поневоле

Эта история так бы и осталась в полном забвении, если потомки Лизаветы Бахметьевой, случайным образом не наткнулись на обрывки дневниковых записей, изрядно потрёпанных и пожелтевших от времени и сырости, в старинном обитом железными полосками, местами уже проржавевшими насквозь, сундуке, что отыскался на чердаке обветшавшего дома старинной постройки.

Да и тут, надо сказать спасибо вездесущим мальчишкам, что любят лазить в таких местах, в противном случае, в противном случае, так бы и пропали документы минувшей старины, как остались в одних воспоминаниях многие работы великих художников, что имели бы немалые ценности, из-за легкомысленного отношения современников, не сумевших ни понять, ни оценить их.

В данном повествовании, речь пойдёт о замужестве Лизаветы, отдельном фрагменте из её записок, что сохранились в более или менее относительно хорошем состоянии, нежели другие. Многие страницы дневника оказались в столь ветхом состоянии, что и разобрать нельзя написанное, какие страницы и вовсе изъедены чем-то. Но благодаря сохранившимся фрагментам удалось восстановить дневник и на этой основе написать роман.

И да, прошу прощения у дотошного читателя, что отдельные фрагменты домыслены автором и могут иметь небольшие прегрешения. Также, как и речи приводятся в новой, более доступной современному читателю трактовке. Но ведь даже исторические хроники, и те не всегда достоверны, поскольку писались не всегда очевидцами происходивших событий, а излагались со слов, так называемых свидетелей. И кто может поручиться, что они излагают правдиво, а не приукрашивают?

Лиза, девушка семнадцати лет от роду, дочь купца второй гильдии Вахруши Бахметьева, возвращалась с подругами с ежевечерних посиделок, скрашивающих скучный и однообразный уклад жизни обитателей небольшого уездного городка; не изобилующего светскими приёмами. Она шла с вложенными в соболью муфту ручками, чувствуя приятное тепло от мягкого и густого меха. Меховая же парка с надвинутым на голову капюшоном спасала от мороза и продувающего ветра.

Одна из подруг рассказывала историю о какой-то таинственной особе, связанную с черной магией. Позднее время располагало к тому, что девушки невольно испытывали страх. Насколько, там было правды, а что девушка вплела от себя не самое важное – девушки со всей серьезностью, напускной или вдумчивой внимали рассказу подруги. Оглянись они назад, возможно, и заметили бы несущуюся на них карету на санном ходу, впряженную в пару лошадей, надвигающуюся темной массой в их направлении.

На пронзительно чистом от облаков тёмно-фиолетовом небе лениво перемигивались звёзды рассыпанным алмазом, морозный воздух при каждом выдохе мерцал тысячами, сотнями тысяч серебристых искринок, окутывая облаком, когда рядом с ними поравнявшись, карета остановилась.

Всё вокруг располагало к благостному созерцанию природы, преподнесённой Творцом, Господом нашим, на радость человеку, когда кажется, разбегись немного, расправь руки и воспарись над землёй, как птица, душа сливается с окружающей красотой. И мысли, растворившись в окружающем пространстве, не тревожат душу ни о чём: о будничном ли или об извечном. Деревья до самых кончиков веток посеребрённые морозцем, стоят без единого движения. Шелохни ветки самым ласковым, едва ощутимым ветерком, и пойдёт по лесу хрустальный звон от дерева к дереву. Казалось, что всё вокруг погружено в глубокий зимний сон до самой весны.

Вечер принявший эстафету у светлого дня, погрузил всё в сон, улица, занесённая снегом, казалась пустынной. Но в некоторых домах, продолжая вечерять, ещё не погасили свет, исходящий у кого из лучин, в семьях, что победнее, а у кого из керосиновых ламп в богатых, состоятельных и в окнах можно было разглядеть смутные тени, на других же закрытые ставни говорили о том, что хозяйева отошли в покой.

Никто даже опомниться не успел, потому как едва ли кому могла прийти в голову подобная мысль, когда из распахнувшейся двери кареты хищным коршуном, бросающимся за дичью, выпрыгнул человек в долгополом овчинном тулупе, как только он умудрялся не запутаться в полах, и, схватив Лизу в охапку, скрылся в глубине кареты, погружённой в полную непроглядную тьму и только, что они услышали напоследок, как тот же человек зычным голосом крикнул кучеру, восседающему впереди:

– Гони!

В морозном воздухе одинокий крик разнёсся далеко вокруг, и, казалось, сам воздух задрожал от этого крика. Следом раздались крики перепуганных девушек, никак не ожидавших подобного. Да и разве можно ожидать в маленьком провинциальном городке такого лихого действия, чудовищного вероломства от кого бы то ни было. Лошади, от резкого взнуздания всхрапнули, выпуская клубы пара, и с места взяли разбег, отпечатывая следы подковами. В карете, где оказалась Лизавета, было слышно, как возничий понукивает лошадей, вздымая снежную бурю, и без того несущихся из всех сил по утопанной дороге.

Лиза, едва переведшая дыхание, хотя сердце продолжало биться, как у загнанного зайца и страх сковал все члены в своих тисках мёртвой хваткой, украдкой посмотрела на своего похитителя. И в то же время незаметно продолжала шептать украдкой молитву: «Всемилющий Господе Иисусе Христе, снизойди до своей рабы Лизаветы, да не отдай на поругание и осквернение нечестивцам, и да не остави мене одну, рабу твою, Господи...».

Слова молитвы перемешались в голове у Лизаветы от пережитого страха, но смысл молитвы она помнила досконально и твердила про себя. Пару раз она даже осенила себя крестным знамением и успела заметить, что на похитителя сие действие никак не подействовало, что разумеется, немного всё же успокоило Лизавету. Басурмане на дух не переносили крестные знамения и даже упоминания Господа.

Глаза Лизаветы, вначале ничего не различавшие в темноте, присмотрелись к ней и стали смутно, но всё же видеть. Из-под лохматой шапки, сшитой из шкуры волка, торчали пряди давно не видевших ножниц, волос, несколько осунувшееся лицо с хитрым прищуром глаз, но вот нижнюю часть лица скрывала густая чёрная борода, более привычная представителям народностей Кавказа, а в средней полосе же России, то приличествовало разбойникам с большой дороги. Обретя дар речи, Лиза всё ещё испуганным голосом спросила:

– Вы кто такие? По какому праву?

Но едва ли подобное могло возыметь силу, тем паче в данных обстоятельствах, когда никому и в голову не придёт, подумать, что в проезжающей карете силой удерживается заложница. Да и карета, запряжённая в тройку лошадей, и мчащаяся в ночи, у невольных свидетелей вызывала одно лишь чувство: как бы ненароком не задавили и старались отойти подальше.

В данное же время, в ночи, и прохожих-то не было, изредка тявкали собаки, не столько желая испугать, сколько просто подать голос, а после снова воцарялась тишина. Город погружался в сон, чтобы, проснувшись с утра начать новые суетные будни: дворники подметать улицы, убирать снег, торговцы предлагать свой товар, призывно зазывая покупателей, у каждого своя забота.

И словно демонстрируя доказательством этому, в ответ спутник едва заметно ухмыльнулся, но ничего не ответил. На этом месте нужно сделать небольшое отступление, дабы повесть об одном из героев истории, сыгравшем немаловажную роль в жизни девушки. Да и после ещё не раз он будет появляться в её жизни, выполняя ту или иную роль.

* * * * *

Ефрем Криворук, а это был не кто иной, а именно он, имея небольшой рост и худосочную фигуру, при этом обладал недюжинной силой, мог запросто на спор поднять годовалого бычка, что тот, не понимая сути происходящего, начинал, бешено вращать белками своих обезумевших глаз и мычать изо всех сил. А он, зная себе, улыбается и только лишь. Правда, подобными фокусами, Ефремушка радовал не столь часто.

И вот, при всякой насущной надобности провернуть какое да тёмное дельце, граф снаряжал не иначе, как Ефремушку, заведомо уверенный, что тот не оплошает. Да и по-другому и быть не могло, барин – от его подобрал на улице мальчонком лет пяти-шести и вырастил у себя во дворе.

Сегодня он, Ефремушка, едва ли не правая рука графа, а когда-то был уличной шпаной, невзирая на юный возраст, и, шастая с компанией таких же оборванцев. Отца своего он не ведал, как не существовало в его словарном запасе слов: папа, батя, отец, он рос на улице. Маму также помнил смутно, её черты сохранились в памяти, словно в тумане, спроси кто: а какая она у тебя, мама, он с трудом смог бы припомнить несколько черт, которые впечатались в его памяти крепко.

Последний раз он её видел, когда она уходила на работу и только. Ни вечером, ни ночью, она не вернулась, как не вернулась и на следующий день. Что произошло, куда она исчезла, так и осталось загадкой. Сколько вот точно таким же образом пропадают людей никто, поди, достоверно и не знает. Как никто, кроме Царя Небесного и не ведёт счёт потерям. Кому интересны обыватели и обывательницы, проживающие в лачугах или подготовленных к сносу домах, откуда жильцы, подобрав кое-какой скарб, ушли в другое жильё. Но вот описать подробно, тут уже, как, ни напрягай свои извилины, ничего не получится.

Оставшись один, он помыкался немного, пока однажды не оказался на улице, лишённый крова над головой. Со шпаной уличной связался по простой причине, так легче было выжить – не один, так другой добудет пропитание, да и отбиваться от других намного легче. Одному-то, никак не выжить в большом городе, где опасности подстерегают едва ли не на каждом шагу. Хотя, конечно, нельзя отрицать и того, что стычки случались и между собой и редко ходил без синяков и ссадин. Единственно, может быть Ивашка, да и тот лишь по той простой причине, что он был старше всех, но и тому в драках с другими, такими же оборванцами доставалось и тогда он отрывался на своих.

Ефремушке, по причине неброской внешности и небольшого роста, игравшего заметную роль при тёмных делишках, чем они и промышляли на базарах или торговых площадях, всегда доставалась роль воришки, кравшего товар, пока другие отвлекали хозяина; и таким вот образом, ему и досталось, погоняло Криворук, словно выжженным тавро, сопровождающее всю его жизнь. Надо сказать, что сей факт нисколько не стеснял его и не заставлял краснеть, последнее он едва ли испытывал, вынужденный обитать на улице.

Может статься, он и понимал, что его поступки не благовидные, но среда, в которой ему приходилось существовать не оставляла времени на размышления, да и какое может быть серьёзное размышление в четыре с половиной года. И логически рассуждая, можно прийти к выводу, что к совершеннолетию он стал бы закоренелым преступником, если не замёрзнет в зимнюю пору где-нибудь или не покалечат в уличной потасовке, не окажись на его жизненном пути графа Апраксина, что вытащил его из улицы.

В первое время его, если и тянуло обратно на улицу, где предоставлен сам себе, но приближающиеся зимние дни, с холодными вечерами и пронизывающим ветром, тут же отбивали охоту к бродяжничеству. Оставаться на улице значило одно из двух: либо будешь всю зиму искать какое-либо временное прибежище, где относительно тепло, либо замёрзнуть до смерти. Но ни первое, ни второе особо не улыбалось Ефремушке.

* * * * *

Случилось же это на осенней ярмарке, куда стекался торговый люд со всех окрестных деревень и сёл, городов и поселений, каждый со своим товаром и целыми днями на площади

стоял людской гвалт из криков, призывающих обратить внимание на товары, и, облапошенных покупателей или обокраденных крестьян и крестьянок. Какого чёрта принесло графа на площадь в тот день, Ефремушка, даже повзрослев, не пытался, как не понимал, вообще, зачем он сам там оказался, если с вечера собирались на рыбалку.

Наверняка, возможность что-то да украсть в толчее и толкотне, чем особенно славятся торговые ряды, где в другой раз бывает и не протиснуться, а уж кошель вытащить у зазевавшегося покупателя, даже заморачиваться нет надобности, достаточно понаблюдать за ним. И ещё хорошо, что они только подошли к площади, иначе его с небольшим ростом, может и задавили бы какие-нибудь особо резвые ездоки или народ, что шёл сплошным лесом.

– Куда под ноги лезешь, пострел! – услышал он грузный голос прямо над своей головой, увлечённо наблюдающий за людьми и не заметивший карету, что едва не наехала на него.

– Что там за шум? – последовал следом вопрос из кареты.

– Да, тут пострел тут под колёса лезет, барин, – ответил кучер на вопрос.

В этот миг из кареты показалась голова в напудренном парике и с удивлением и заинтересованностью оглядела площадь, и тут он приметил Ефремушку.

– Малец, подойди, – сказал он, обращаясь к нему.

– А что ты мне за это дашь? – нагло посмотрел Ефремушка на графа, никаким манером, не представлявшим, с кем разговаривает. Уже проживая при дворе графа, он научился выражению своей мысли, о чём тогда и подозревавший.

– Чего бы ты сам желал? – в ответ спросил граф. Кучер на козлах с вытаращенными от удивления глазами наблюдал за этой сценой, ожидая, чем же это закончится.

– В карете прокатиться, – сам не ожидая от себя подобной прыти, выпалил он. Ефремушка, зная повадки и привычки богачей, разумеется, рассчитывал, что сейчас человек в карете засмеётся и гаркнет ему во всю глотку: а ну, пошёл, отсюда, мелюзга. Да только им не привыкать слышать подобные речи, за день не раз кто-нибудь да покрикивал из торговцев. Но произошло совсем неожиданное, что скорее можно назвать свершившимся чудом, чего не просто не ожидаешь, даже представить сложно, вогнавшее в ступор даже кучера на козлах, граф, открыв дверцу кареты, произнёс:

– Милости прошу, – это выглядело странным и, не уместяющимся ни в какие рамки, поступком со стороны графа, любившего эпатировать публику неординарными выходками.

Ефремушка растерялся, он ожидал в ответ чего угодно и готов был ко всему, но только не такому ответу.

– Так чего же ты испугался? – подначивая, спросил граф Апраксин. – Или не ты такой уж и смелый на деле?

Оставалось одно: решиться влезть в карету, но и пугало, а что если это ловушка? Ребяшня, стоявшая чуть поодаль от него, также подглядывала за ним. И он решился, если не сядет в карету, житья не дадут, засмеют. И плевать они хотели с какой целью заманивают друга.

Отбросив все сомнения, он подошёл к карете и граф протянул ему ухоженную руку, под кружевной манжетой и массивным перстнем на указательном пальце, в камне которого отражались солнечные лучи, переливаясь всеми цветами радуги.

В карете стоял терпкий аромат духов и благовоний, к которым примешивался запах дыма дорогих сигар, от которых у Ефремушки закружилась голова и он уже готов был выпрыгнуть обратно, но дверца захлопнулась и граф приказал кучеру:

– Поехали

Лошади всхрапнули и зацокали копыта по уложенной булыжником улице, отстукивая секунды до начала новой жизни Ефремушки, уже в самом скором времени, который позабудет, что значит воровать булку хлеба, чтобы не умереть с голоду где-нибудь под мостом. Но всё это произойдёт после, а пока он ехал рядом с графом, ничуть не понимая, что для него начинается новая жизнь полная самых невообразимых перипетий судьбы и только опыт, приобретённый на улочках и переулках, позволит ему избежать краугольных камней при дворе, что подстерегали едва ли не на каждом шагу.

* * * * *

В тот момент, когда карета исчезла за углом, ребята приуныли, каким-то внутренним чутьём поняв, что Ефремушку они потеряли навсегда, о чём он сам ещё и не догадывался.

У детей, постигающих жизнь на улице и в подворотнях, интуиция более развита, поскольку они предоставлены сами себе и за любые шалости и ошибки ответственны сами, папка с мамкой не заступятся. Что, как следствие приводит к мысли, принимать решения самому, ибо никто за тебя сие делать не будет, да и не кому. Ефремушка, находясь в карете уже более получаса, начал осознавать, что происходит нечто, выходящее за рамки условностей, и решил обратиться к дяде, а как иначе обращаться к человеку значительно старше себя, сидящему рядом, жалостливым голосом:

– Дяденька, я накался. Выпустите меня, пожалуйста.

– Малец, а покушать не желаешь? – вопрос, заданный графом, попал в самую точку. Ефремушка и сам давно уже почувствовал, как у него сосёт под ложечкой от голода, от момента, когда они покушали булочку с маком, прошло достаточно времени и растущий организм, требовал еды, – да и когда ещё доведётся с граф рядом сидя, прокатиться ветерком, а?

– Хочу, – сказал Ефремушка, не смея прямо в глаза смотреть взрослому человеку, проникшему к нему жалостью, не обратив внимания на последние слова. Ди едва ли поверил бы он им. Станет какой-нибудь граф, катать его в карете...

– Ну, тогда спешить тебе ни к чему, правильно? Прощка, – окликнул он кучера, – заверни к закуской.

– Слушаю-с, барин, – отозвался кучер, до сих пор ещё не оправившийся от удивления.

Ефремушка, почувствовал, как карета свернула, но не видя через занавеси, прикрывающие оконце, ничего не понимал. Происходило же многое, что в корне бесповоротно изменяло его дальнейшую жизнь.

Когда переступили порог заведения, в нос Ефремушки ударил аромат вкуснейших блюд, вкус которых ударял в нос и щекотал желудок, проходя мимо харчевен и закусовых, да и даже мимо жилых домов, где готовили обед или ужин. Кроме печёной в костре картошки или украденной, иной раз выловленной рыбки, разве что он знал в своей жизни. Барин, а он это понял уже, не смотря на малолетний возраст, заказал первостатейный обед, да и подавали им не чета другим. Уже приступив к трапезе, граф, видя его аппетит, с каким он уплетал за обе щеки, не удержался от вопроса, настолько ему занятным показался малец:

– Отец с матерью, поди, осерчают, узнав, что ты потерялся?

– А у меня их нету, – не переставая жевать, с полным ртом ответил Ефремушка.

– Да как сие может быть? – заинтересовался граф. – И где же они?

– Кто их разберёт? Мамку я почти не помню, а тятю совсем не знаю, был он или его и не было...

– А ко мне в дворовые не желаешь? – смекнул граф, видя живость пацанёнка, способного на лету принимать решения и за словом в карман не лезущего.

– Я и сам ещё не знаю, чего хочу, – ответил Ефремушка, до которого дошёл смысл слов, к чему клонит граф.

– Как тебя звать-то, малец? – спросил Апраксин.

– Ефремушкой кличут, – вполне серьёзным тоном ответил пацанёнок на вопрос, поставленный прямо и, не имеющий других ответов. Хотя, графа едва ли интересовало, как его на самом деле зовут.

– Ефремушка, так Ефремушка. Так как насчёт предложения у меня обитать. Кров, пищу обеспечу, а требуется немного: изредка меня и гостей развлекать. Сойдёт?

Предложение, перед которым трудно было бы устоять взрослому человеку, поставило пацана в тупик. Доселе он сам себе был предоставлен, хотя иной раз и приходилось выполнять поручения старшего, а тут заманчивое предложение... Ефремушка, конечно же, понял к чему клонит барин, но и дармовая еда привлекала.

– А шибко гонять не будешь? – с взрослой осведомлённостью посмотрел он на барина, который так и не притронулся ни к одному блюду. Ему было интересно наблюдать за этим смышлёным мальчишкой, как он, будучи даже голодным, не набросился на еду. Да и с виду пригожий, граф определялся с решением.

– Ну, это как себя проявишь, – лукаво ухмыльнулся граф, довольный, что заинтересовал Ефремушку. Своих детей у графа Апраксина не было, а потешить душу дитём хотелось, и чем-

то засел ему в душу Ефремушка. Может быть тем, что граф сам ещё был молод, и душа требовала широты русской, а проявить, чтобы душа радовалась, никак не получалось.

– Дяденька, при условии, что при первом требовании, меня отпустить, я согласен, – наконец вымолвил Ефремушка.

– Какие о том могут быть разговоры. Слово скажешь и свободен, на все четыре стороны, – ответил граф, как если бы перед ним сидел взрослый человек, заранее уверенный, что ещё не нашёлся охочий променять жизнь при дворе, пусть даже в качестве прислуги, на вольные хлеба и ночлег под открытым небом.

– Подумать хотя бы я могу? – набивая себе цену, в ответ задал вопрос Ефремушка. В тот вечер, впервые Ефремушка ночевал без всякого страха быть разбуженным другой когортой малолетней шпаны, также промышляющей на улице, или же быть избитым. Всё это вкупе вселяло надежду на благоприятную жизнь. И день за днём, потекла жизнь в графском дворе, пусть даже среди челяди, но граф его как-то незаметно для Ефремушки, приблизил к себе.

* * * * *

Жизнь при дворе, если не считать придирки ровесников, детворы прислуги, которых Ефремушка ничуть не побаивался, сказывалась жизнь на улице, была ровно сказка. Тем паче, граф, не выражая в открытую, симпатизировал к нему. Сам, имевший хорошее и крепкое здоровье, граф решил им тоже заняться, благо времени было вдоволь.

Мальчонка, выросший на улице, едва ли мог догадываться, сколько вот таких же, как и он оборванцев, сделали головокружительную карьеру, благодаря воле случая ли или Провидения, при высочайших особах, к которым не смели и приближаться.

Подрастая, время от времени ему приходилось сцепляться с кем-нибудь из челяди, но во всех этих нелепых инцидентах, он умудрялся выходить победителем. Да и цеплялись-то в основном из-за его собственной шалости: то сапоги подменит чьи-нибудь на свои, то ещё какую проказу устроит.

Бывало подойдёт к кому ни то было, постоит, посмотрит, дождётся, когда на него обратят внимания или напротив, тут же:

– Барин в срочном порядке приказал найти и привести к нему под очи рыжего борзого.

Известное дело, первым делом дворовая челядь пытается поймать в руки борзого, который к тому же клыками грозит и в руки даваться не спешит. Ефремушка же, на полном серьёзе понаблюдает за напрасными трудами, а после отойдёт и от души посмеётся над обманутыми. Хорошо, если сами догадывались, что над ними подшутили, а нет так, откуда-нибудь появившийся барин, подзывал утомившихся и справлялся:

– Больше Вам что, делать нечего, как собак гонять? Борзую, эвон, как загнали, – и уже обращаясь к собаке: Тархун, поди ко мне.

Собака, услышав хозяйский голос, виляя куцым хвостом, тут же подбегает к нему и ластится возле ног.

– Ну, видишь, и ловить его нет надобности, – начнёт выговаривать он дворовому.

– Так, Ваше Сиятельство, Ефремушка сказывал, что барин, мол, рыжего борзого велел привести, – оправдывался очередной дворовый, поведшийся на шутку Ефремушки.

– Где он сам? — тут же, посуровев, спрашивал он у дворового.

– Да токмо здесь был, – оглядываясь по сторонам, высматривали слуги Ефремушку, обычно в таких случаях, скрывавшегося в зарослях у пруда. А после, как ни в чём не бывало, заявится, да ещё божиться будет, всеми святыми клясться, мол, приказывал. Дворовые, к этому времени отходили от гнева, да и без него забот хватало.

Он и сам не догадывался, откуда в нём бралась сила, в его низкорослом теле, может быть тятины гены, которого он не знал? Не только силой отличался Ефремушка, но и сообразительностью, как и умением располагать к себе. Поэтому, понадобится графу кого с поручением отправить, тут же вызывает его, Ефремушка и рад стараться. А требуется ещё и ответ доставить, то здесь Ефремушка всё своё умение прикладывал, а порою и терпение, но без оно не возвращался, за что награждением служила хвала самого графа.

Бывало, что барин для потехи вывозил его на ярмарки, для борьбы на руках, где Ефремушка блистал во всей красе, побеждая всех желающих. Зазывала, словно только и ждал его появления, тут же зычным голосом начинал приглашать борцов, перекрывая всех других торговцев и торговок. А что Ефремушке, он рукава закатает и стоит, поглядывая по сторонам, найдутся ли желающие померяться силушкой.

Букмекеры, что принимали ставки на победителя, в такие дни денег на неоспоримую победу, Ефремушки ни в какую не принимали, из опасения разориться. По первости-то, не зная его, охотно принимали, но раскусив, поняли. А будучи тринадцатилетним подростком, он выполнял и более серьёзные дела, о чём во дворе никто даже не догадывался.

Ефремушка же, по своему обыкновению, больше предпочитал помалкивать, хозяин-барин, ему лучше знать. Когда на графа, было дело, покушались, опять же он оказался рядом, что и спасло барина от неминуемой гибели от лиходеев. Всё это, сложившейся картинкой из обрывков, сделало репутацию Ефремушке, но не спасало от наказания, если где он что-либо нашкодил. И наказывал наравне со всеми, не выделяя среди других, иначе, глядишь, ещё и возгордится.

* * * * *

Подросток уже и забыл своё голодное детство, когда засыпал под урчание живота, под ноющие боли, словно всё это было и не с ним даже и в какой-то другой жизни, настолько было оно нереальным, приснившимся кошмаром. Но до снисхождения в отношении Ефремушки, граф опустил лишь после того, как потерял свою любимую супругу, когда он потерял всякий интерес к светским вечерам, к пышным балам, где собирался цвет русской аристократии, как будут говорить впоследствии, на премьеры в театрах и то выезжал под напором близких друзей, что изредка навещали. Но всё это было скучное занятие, что в очень редких случаях приносило душевное удовлетворение. Да в летние месяцы выезжал в имение, непременно прихватывая с собой и Ефремушку, каждый раз не забывая напомнить последнему:

– Тебе, Ефремушка, на природе чаще надо бывать, иначе в городе захиреешь.

– Да я, барин, с превеликим удовольствием.

Мальчонка, только и рад пожить в имении. Живописное место, где располагалась усадьба барина, казалось, одним своим видом располагало к покою. Дом Апраксина представлял из себя каменное здание в два этажа в готическом стиле с высокой крышей. Кто б ни был, переступая порог, входящий оказывался в передней – просторном светлом зале. Отсюда же вела на второй этаж, по устоявшейся традиции, называемый антресолями, массивная мраморная лестница, устланная ковром.

Сразу за передней он оказывался в парадном зале, где иной раз граф устраивал приёмы и обеды. Окна же последнего выходили в благоустроенный парк со статуями и фонтанами, имеющий отдалённую схожесть с Версалем, модной тенденцией в аристократических кругах, особая гордость графа Апраксина. Зал будучи не столь большим, украшенный зеркалами, визуально приобретал объём. И хоть и посещал барин имение в летнюю пору и редких случаях зимой, зал был оформлен по всем правилам: лепные потолки, плафоны, роспись на стенах.

Всё это должно было располагать к умиротворённой беседе и дружескому общению гостей. Полу на первом этаже, как и на антресолях выложенные художественным паркетом, сами могли служить подлинными произведениями искусства. И уж, как принято в любом благородном доме, с обеих сторон парадного зала находились гостиные, по цветовому убранству называющиеся розовой, зелёной или иной гостиной.

Была здесь также и небольшая библиотека, кабинет и бильярдная. Особое место занимали парадная столовая и буфетная, куда из кухни, располагающейся в отдельном здании доставляли готовые блюда. И в этом особняке у Ефремушки на антресолях была отдельная комната, в отличие от остальной прислуги, хотя также не во все комнаты разрешалось ему заходить. Да разве уследишь за мальчонкой? Но такое положение у него было только в имении, в столице же он жил в каморке, приспособленной из свободной комнаты, что предназначалась для каких-либо надобностей, но вследствие некоторых причин, потерявших актуальность.

Но даже, проживая в особняке, он оставался тем же мальчонкой, каждое утро отправлялся к коровнику, когда молоденькие зазнобы заканчивали доить коров и он приставал к ним, выпрашивая налить ему молока парного. Девушкам только того и надо, пока нальют молока, подтрунивают над ним, заливаясь звонким и залившимся смехом. И вполне возможно, парни постарше завидовали ему, те, которые имели влюблённость какой-либо из них, что он так запросто заговаривает с девушками и они с ним.

А ему мальчонке, что, он берёт кружку с краюхой пышного хлеба и с превеликим удовольствием, причмокивая, пьёт живительное молоко. И такая нега разливается по всему телу, так бы всё вокруг и обнял, и жизнь кажется прекрасной сказкой. Кругом изумительной красоты природа: речка, журчащая прямо за зарослями ивняка, черёмухи и тальника, луга, покрытые сочной изумрудной травой, так и манящие прилечь, отринув прочь все мысли.

А купания в воде, что парное молоко? Он находил такие места, где река затормаживала свой бег, и вода нагревалась на порядок быстрее нежели на стремнине. Поскидав свои нехитрые одежды, он бегом бросался в воду и купался до изнеможения. Как и любовь к русской бане, привитая в имении.

Иной раз к нему присоединялись дети крепостных крестьян, да и другие тоже. Но в другое время почему-то сторонились Ефремушку. Причиной этого могла быть одёжка Ефремушки, что покупал ему барин или что-то иное, об этом он не задумывался. Играют с ним – хорошо, нет; он тоже напрашиваться не станет.

Бывало, что, заслышав звонкие девичьи голоса на заводи, где вода доходила ему до подбородка у самого берега, а дальше заходить он побоялся в одиночку, он подкрадывался, стараясь не производить шума, и подсматривал за купающимися девушками. Да кого из нас в подростковом возрасте помимо нашей воли, любопытство не тянуло подсматривать? Сие желание возникает самопроизвольно и крайне затруднительным представляется устоять перед ним.

Разок, ему даже досталось от девушек, когда вот так же подглядывая, он сам не удержался и чихнул, всполошив их. Девушки, подняв громкий визг, кто как прикрываясь, те, что были на берегу, схватили свои платья. Купавшиеся в заводи, старались по самое горло, погрузиться в воду и обращались к подругам с просьбой подать одежды. И столько было во всём этом неподдельного озорства и веселья.

Но, увидев, что это мальчонка, они лишь шутя огрели его верхними платьями, ещё звонче заливаясь смехом. Да ещё крапивой ожгли по мягкому месту, чтоб впредь неповадно было подглядывать. Ох, и помучился же он тогда. И было во всём этом столько веселья, озорства и естественности природной, а не на потребу, что он и сам бы не прочь вольничать, да малость лет не позволяют.

Воздух, наполненный живительным ароматом луговых цветов, кружил голову. Да и солнце, здесь на привольном просторе, казалось, больше и жарче, нежели он привык видеть его в городе. А загорал он на солнышке, сам барин шутя называл мавром, настолько смуглой становилась его кожа. И Ефремушке по осени жаль было расставаться с этим волшебством, что дарила жизнь в поместье, и будь его воля, так бы и жил здесь.

А что? Дом отапливается, еды вдоволь, много ли надо мальчонке-то? Сколько раз он с огромным желанием смотрел на горы, по склону которых мечтал прокатиться на санях. Чтобы с ветерком наперегонки, когда мороз щекочет щёки и щиплет глаза, а детвора с завистью смотрит на смельчака, рискнувшего на такое. Да, только барин ни разу не позволил ему оставаться в имении, каждый раз находя для этого повод. А барину как можно прекословить?

* * * * *

Оставалась челядь, способная создавать удобства, как и неудобства тоже, но не более того и Ефремушка, которого барин подобрал на улице, предоставлен был сам себе. И хоть Ефремушка и имел, какие-никакие способности, но больше в физическом плане, мог побороть любого, двухпудовые гири подкидывал играючи, но к учению оказался глух: не тянуло его в эти дебри науки и всё этим сказано. А способностями, он проживанию в имении всё-таки обязан, живи в городе, разве окреп бы настолько. Кристально-чистый воздух и живительная вода с родника сделали его крепким и силушки немеряной.

Как-то Апраксин попытался вывести его в театр, так он спрятался настолько, на другой день с трудом отыскиали. И уже после этого граф с ним на эти темы не заговаривал, видимо, решил: каждому – своё. Кто-то, надо полагать родился театралом, а кто актёром-лицедеем, третьему же дано живописать картины по былинам ли, с натуры ли на плэнере.

Ефремушке всё сие не дано изначально, на кулачные же бои, граф выводить его опасался, не ровен час покалечит кого. С него вполне может статья, силы немеряно. По прошествии двух лет, когда барин заговорил о новой женитьбе, Ефремушка насторожился, а ну как его воспримет новая пассия графа.

Но он сам не обмолвился об этом ни словом, а Ефремушка не смел даже заикнуться на эту тему, пусть и баловень, не его ума дело, понадобится, заговорит. В один из зимних вечеров, Ефремушка усталый после уборки двора, уже надумал собираться спать, как граф через пострела вызвал к себе.

Он поначалу опешил от этого, призадумался, не натворил ли чего за день к немилости барина, но ничего подобного не припоминалось, как, ни чеши затылок. После же решил, что может статься, на графа блажь напала посидеть с ним, повечерять и поплёлся в барскую половину.

Граф, устроившись уютно, сидел в кресле в вечернем халате из бархата с меховым воротником, возле ног примостилась собачка, с которой он не расставался. На лице, выбритом до синевы, отражались отблески огня из камина, где пламя с жадностью пожирало подброшенные дрова. На переносице отложилась глубокая бороздка, демонстрируя глубокую задумчивость.

Сеттер, положив голову на вытянутые, перед собою, лапы, мирно продолжал дремать, как если бы понимал, что хозяину в данную минуту не до него, и не удосуживаясь даже обращать внимания на приход Ефремушки. Весь внешний вид графа говорил, что его что-то беспокоит, но только что? Услышав звук открываемой двери, он обернулся и только затем заметил Ефрема.

– Пришёл? – суровым взглядом посмотрел на него граф.

– Да, барин, то есть, Ваше сиятельство, – с готовностью, словно только и ждал этого вопроса, ответил тут же. В голосе, как ни силился скрывать, явно прозвучали нотки испуганности, да иначе и быть не могло, барин он и есть барин.

– Страху натерпелся? Да ладно, скрывай – не скрывай, знаю, натерпелся. Но наказывать не буду, тут у меня дума родилась, – тут граф сделал многозначительную паузу, прямо в глаза глядя Ефрему, как если бы решал: посвящать или нет, и лишь затем начал издали: – Ефремушка, помнишь госпожу?

– Как не помнить, Ваше сиятельство? Душа – человек была, – выпалил Ефрем, из желания угодить барину, а после, и вправду припомнив графиню, что даже голоса ни на кого не повышала.

– Да, прекрасная женщина была, бесценная, всё бы отдал, чтобы вернуть, – с тяжёлым выдохом произнёс граф. – Но, Ефремушка, жизнь-то не кончилась на том. Сам видишь, наследника или наследницы не имею, а годы идут... И кому я оставляю, нажитое немалым трудом, имущество, поместье? Та же дворовая челядь, что едва ли способна жить самостоятельно. Пропадут же без меня, как пить дать, пропадут. Никто ход времени не отменял...

– Что правда, то правда, Ваше сиятельство, – не понимая, к чему клонит граф, поддакнул Ефрем.

– Тут, Ефремушка, вот какое дело... Приметил я фотографию одной зазнобы, будучи в гостях у одного из друзей... Засел мне в душу её образ, – растягивая слова, произнёс граф,

ещё не вводя в курс дела Ефремушку, отчего тот стоял, не зная, что делать. Присесть-то, граф не давал разрешения. Что-либо отвечать, так тоже, как бы нечего, оставалось ждать, что дальше скажет барин.

– Что молчишь-то, Ефремушка? – обратился к нему граф и пристально посмотрел на него, словно впервые видел. Он же, невысокий, да и узкокостный, стоял перед ним навывтяжку. С некоторых пор Ефремушка взял в привычку отращивать бороду, что поначалу не совсем понравилось Их Сиятельству, но в задуманном графом предприятии, могло сыграть хорошую службу.

– Так, я, барин, слушаю, – ответил Ефремушка. – Вы же изволили думать, так стало быть, я чтобы не мешать и молчал.

– Всякий раз ведь выкрутишься, наглец ты, этакий, – и сам себе рассмеялся.

– В общем так, Ефремушка, предприятие тебе предстоит серьёзное. Как будешь выполнять, твоё дело, но сработать надо. Покуда я буду наводить справки, ты подумай над решением.

– Ваше Сиятельство, да я в любую минуту готов, лбом расшибусь.

– Ну это, конечно, излишне. Да я и не сомневаюсь в твоём усердии, Ефремушка. Но сноровка требуется немалая, да и наблюдательность тоже. Невесту желаю выкрасть, – откровенно сказал ему граф. Но более, ни одного слова.

Ефремушка вслед за барином, тоже впал в задумчивость. И было от чего, это тебе не булочки у торговли базарной украсть, тем паче при скоплении толпы, галдящей на всякий лад, не хуже тех же гусей, подгоняемых хозяином, что могла оплеухой наказать, а в этом вопросе и каторга в Сибирь на долгие годы могла замаячить и причём реально, здесь голова требуется ясная. Или и того похуже, не дай Бог, попадёшься, смерти не миновать, а до этого будут бить, чем ни попадая, безо всякой на то жалости.

Граф, приглядываясь, прикидывал в своём уме: справится ли он один? Или двоих снарядить? Дело такое, что поневоле станешь перебирать варианты, выискивая наиболее выигрышные, чтобы уж наверняка. Но тут опять затруднение возникает: чем больше людей вовлечено в задуманное предприятие, тем меньше шансов оставить всё это в тайне: авось, кто-то из посвящённых, да проболтается. Ему-то сие ничем не угрожает, лишь лёгкая тень, может статься, коснётся немного, а предприятие, почитай, пропало. Да ещё не ровен час и Ефремушки, верного слуги лишится, это уж как пить дать.

Никакой адвокат и никакие деньги не помогут отвести беду от Ефремушки, да и станет ли он за него кланяться, это ещё под вопросом и, вообще, лучше избегать этих препятствий. И эта закавыка заставляла ломать голову над решением, как лучше всего поступать.

Дело же обстояло в следующем. Как-то, будучи в гостях у барона, назовём для краткости N., Апраксин увидел лаковую миниатюру – портрет девушки, и так она запала в его сердце, оставив неизгладимый след, что он решил непременно выведать с кого он списан. Издалека подступив, исподволь и незаметно, Апраксин речь подвёл к миниатюре. Барон, не подозревающий об истинных намерениях поведал краткую историю, что была известна ему. О девушке, что позировала художнику, он ничего не знал и в этом его помощь была бесполезна. Но, он проговорился, что баронессе, возможно, что-то известно. Более об этом они не заговаривали.

С бароном не заговаривали, но оставалась баронесса. И вот её-то и решил расспросить при случае Александр. Как ему удалось выяснить, баронесса не прочь флиртовать с состоятельными господами. Апраксин большой поклонник искусства, знаток театральных премьер, своими манерами способен увлечь даже самую серьёзную матрону, в жизни не помышлявшей о флирте, не говоря уже об адюльтере. Его манера с одинаковой лёгкостью рассуждать о вещах будь то серьёзных или ничего не стоящих, причём приводя достоверные и убедительные сведения, никого не оставляла равнодушным, оказывавшихся поблизости.

К его вящему удовольствию, дама не считала флирт чем-то достойным осуждения и легко увлеклась благородным господином. Выходы в свет, где блистал её спутник остроумием и начитанностью, свободно переходивший с русского на французский, с него на испанский возносили Александра в фантазиях дамы едва ли не на небеса.

Она готова была боготворить его, не ведая истинных намерений графа. Испытывал ли Александр по отношению к ней какие-то чувства, трудно что-либо сказать. Заинтересованность несомненно присутствовала, в противном случае он едва ли стал бы удостаивать её своим вниманием в течение продолжительного времени, даже после того, как стал обладателем портрета.

Ему с лихвой хватило нескольких встреч с дамой, чтобы в подробностях выведать, как личность девушки, так и отдельные подробности создания картины, с которой и есть копия, увиденная Апраксиным. Но о том, где находится сама картина, она ничего определённого не могла сказать по той простой причине, что не была посвящена в эти детали, но и того, что он сумел узнать, было достаточно.

Его не картина интересует, что также могла представлять интерес в иной ситуации, но в данной – была дама, позировавшая для портрета. Дело оставалось за малым: заполучить миниатюру, вот здесь и появлялось главное препятствие, баронесса ни под каким предлогом не согласится расстаться. Она может привести десятки доводов, но только оставить её у себя. Да только помимо баронессы ещё есть барон, должник Апраксина.

Миниатюру с изображением зазнобы, он под каким-либо предлогом вполне выпросит, иначе и быть не может, барон-то по старой памяти ещё должен ему остался. Если не удалось повернуть дельце с баронессой, остаётся супруг. Возвращать долг граф не спешил, ждал более удачного случая, который нынче, как раз и наступил.

* * * * *

«Тот же Ефремушка, коль отправлю его, он же должен представление иметь, кого красть? А не то, не ровен час, привезёт какую ни есть страхолюдину», – граф думал и прикидывал, как наиболее лучшим образом поступить. Но повод представился совсем скоро. На играх барон, увлечшись ставками, частое явление среди игроков, сам не заметил, как проиграл значительную сумму, каковой не располагал и едва ли мог заполучить в ближайшее время.

То был тот самый случай, наступления которого он ждал, и Апраксин решил идти ва-банк, отсудив барону нужную сумму, спасая от позора. Барон не знал, как отблагодарить Александра за вовремя оказанную помощь. Для графа не столь большие деньги, но возвращение карточного долга во все времена считалось превыше всего и именно на это и рассчитывал Апраксин. И вот наступил тот момент, когда можно затребовать возвращение долга.

И было бы большим грехом, а уж каким упущением, не воспользоваться представившейся возможностью, учитывая, что барон не очень-то любил расставаться с деньгами. До последнего тянул с возвратом, надеясь, что забудут или простят по доброте душевной, но, если никак не получалось по-другому, с огромным нежеланием возвращал, при этом сумму пересчитывал не один раз.

Граф же ему предложит вернуть не звонкой монетой, а простенькой, можно сказать, не требующей приложения особых усилий или затрат пустяковой услугой, чему неимоверно обрадуется старый скупердяй. От этой мысли и на сердце у графа отлегло, одна задача, почитай, решена.

Не откладывая дело в долгий ящик, в следующий же месяц, граф напросился в гости к барону и, хотя тот и пообещал принять, но не назвал времени, Апраксин потирал довольно руки. Влюблён ли он в девушку с миниатюры? Испытывает ли к ней какие чувства или это очередная блажь, в этом он пока даже себе не смел признаваться. Но признаться, что-то да она задела в его сердце. Память ли о бывшей супруге, с которой имела сходство или что другое?

А как к нему отнесётся похищенная невеста? Относительно этого, он как-то был спокоен, первую-то тоже когда-то выкрал, а сколько лет прожили душа в душу, и супруга ни намёком не упрекнула его в похищении. По своей воле, кто разберёт: пошла бы за него или не пошла, а он выбора уже не оставил.

Как и в прочих других случаях, с собой он прихватил Ефремушку, направляясь в гости к барону с визитом. С ним как-то спокойнее и сподручнее было ездить по ночным улицам, где не ровен час, нарваться можно на лиходеев, которым вообще наплевать граф ты или простолудин, главное, чтобы мошна была полной звонких монет. Ефремушке же, таких бродяг раскидать, раз плюнуть, глазом моргнуть не успеешь.

* * * * *

Да и не пристало дворянину схватываться с уличной босотой, принижая себя. Со шпагой в руке против равного – он готов любое время, а Ефремушке что? Ему что дворянина уложить, что кого другого – разбираться не станет. Но до сих пор его эта напасть обходила стороной, но ведь раз на раз не приходится, конь о четырёх ногах, и то, бывает, спотыкается.

Приехав к барону, Апраксин оставил Ефремушку в людской, а сам направился в апартаменты, как он выразился, для душевных переговоров, но Ефремушка знал, что за переговоры предстоят барину и уверен был, что граф своё вытянет: не мытьём, так катаньем.

Безропотно подчинившись хозяйскому наказу, он пошёл к домишке, располагавшемуся в глубине двора, то бишь, в людскую, где обитала прислуга дворовая, картишками ли перекинуться или поговорить за жизнь, в чём он тоже не уступал иным краснобаям своей речистостью. Разумеется, если требовалось молчать, он мог часами сидеть каким-нибудь языческим истуканом, не проронив ни слова и, только моргая своими хитрыми глазёнками.

– Доброго Вам, здоровьица, люди, – сказал он, пройдя в помещение, пропитанное дымом от махорки, да и в настоящую минуту тоже нещадно чадили. Дым в комнате стоял, хоть топор вешай или, как говорят в таких случаях, хоть святых выноси. От двери с двух сторон, остав-

ляя небольшой проход, стояли топчаны, возле окна стол, сколоченный из грубо обработанных досок с нехитрыми пожитками.

– И тебе доброго здоровья, мил человек, коль с добром пришёл, – откликнулся ближний к дверям человек, продолжая кашлять надсадно, и только с дальнего угла, прищурившись присмотревшись, давний знакомый воскликнул:

– Так то ж, Ефремушка, Апраксина человек, – чем вызвал некоторое оживление в людской.

– Так и есть, Ефремушка, – отозвался он, так же узнав собеседника, – как живётся-может, люди? Вы б, хоть не курили здесь, что ль? Продохнуть и то нельзя...

– Какие мы нежные, – не преминул кто-то из дворовых, подтрунить над ним.

– Какие новые события произошли у вас, как меня не было? – не обращая внимания на подковырки, продолжил он интересоваться. Интерес-то праздный, не сколько чтобы вывести, сколько побалагурить, коротая время, что ни для кого не было секретом.

– Ну чего такого у нас может произойти, всё по старинке. Мы, чай, барина не сопровождаем, как отдельные элементы, – намекая на Ефремушкино особое положение, ответили ему.

– Так то, не моя прихоть, а барская, – в оправдание произнёс Ефремушка. И дабы не продолжать этот неприятный разговор, он предложил:

– Может быть, в картишки перекинемся? Чего нам понапрасну ссориться? Чай, не равные люди. Да ещё на ночь глядя, душе перед сном спокойствие надобно...

– И правда, чего нам делить, раздавай Ивашка, у тебя рука лёгкая. Пущай Ефремушка, домой дурачком поедет. – предложил до этого лежавший мужичок с серым, как давно не стираная холстина, лицом, протягивая карты.

За игрой время летело незаметно и если Ефремушка где-то и ловчил, всё одно два раза остался в дураках, причём один раз с погонами, за что игроки подкалывали его:

– Ну вот, Ефремушка, как царский генерал с эполетами на плечах поедешь. Да смотри, не потеряй в дороге, – и шумно смеялись. Смеялись, чтобы сбросить грусть с души, мрачные мысли из головы прогнать прочь. Он уже сделал попытку отыгаться, когда прислуга барона доложила, что Ефремушку требует барин. Накинув на голову свою лохматую волчью шапку, Ефремушка попрощался с игроками и, пожелав доброй ночи, покинул помещение.

– Ну что, Ефремушка, повидал товарищей? – спросил довольный граф, сияющей улыбкой, по которой он понял, что барин дело уладил и теперь остальное зависит только от его сметливости и ума, ну и сноровки, конечно же, куда без неё.

– Повидал, – ответил Ефремушка, удручённый тем, что не дали отыгаться, но граф либо не заметил, либо счастливый от того, что собственное дело выгорело, не стал расспрашивать.

– Ну вот и ладненько, – с распахнутыми полами шубы, граф направился к карете, а забега наперёд него, Ефремушка открыл дверцу кареты. И уже затворив за ним, устроился на козлах, намереваясь отправиться в путь. Дворовые барона, нетерпеливо ожидали у раскрытых ворот их выезда, дабы закрывать их на ночь, и поёживаясь от холода.

* * * * *

Уже добравшись до собственного дворца, когда Ефремушка передал вожжи дворовым и собрался идти к себе, его окликнул Апраксин:

– Ефремушка!

– Да, Ваше Сиятельство, слушаю-с, – мгновенно обернулся он.

– Куда пошёл?

– Да, Ваше Сиятельство, слушаю-с, – мгновенно обернулся он.

– Куда пошёл?

– Так ночь же, Ваше Сиятельство. Почивать надобно, – ответил Ефремушка, не понимая, к чему клонит граф.

– Ты мне, Ефремушка, зубы не заговаривай. Предприятие надо бы обсудить...

– Ваше Сиятельство, утро вечера мудренее...

– Зато вечер утра удалее, – отбрил граф Ефремушку, – зайдём ко мне.

Делать нечего, Ефремушка поплёлся за барином, не до конца понимая, чего тот от него хочет в столь позднее время. Не глядя на вечер, уже съездили. Что ещё-то могло приключиться? В зале, где пламя камина отбрасывало отблески на стены с картинами, отражающими сцены из жизни олимпийских героев, с обнажёнными наядами, на плотные портьеры, выхватывая из полумрака отдельные предметы, граф скинул шубу на руки подоспевшей Даше и, устраиваясь в массивное кресло, протянул руки к огню. Ефремушка остался стоять у порога в ожидании приказаний.

Протянув руку к каминной полке, граф взял сигару и прикурил, медленно выдыхая дым, потянувшийся в сторону открытого огня. Устоявшаяся привычка Апраксина, перед началом любого разговора, закурить сигару, приводя мысли к порядку. Была ли какая-то связь между ними, Ефремушке, никогда не познавшему этого занятия, было не понятно.

– Дашка, приготовь кофейку, да покрепче на две персоны.

После всех приготовлений, когда две чашки, с дымящимся кофе, уже были на столе и все были удалены из зала, граф подозвал Ефремушку.

– Ефремушка, поди-ка сюда, кое-чего явить хочу пред твои глаза бесстыжие, – произнёс граф, в надежде на благоприятный исход задуманного.

– Да, Ваше Сиятельство... – с некоторым страхом и полный любопытства, подошёл Ефремушка к камину.

Граф, взяв со столика, лаковую миниатюру поднёс к лицу Ефремушки, второпях забывшего даже снять шапку с головы.

– Шапку-то свою снимай, аль через него будешь рассматривать, олух? Чай, не коня покупаю, а спутницу себе, соображать должен, – назидательно сказал он, глядя на него или через него, оторопевший Ефремушка, так и не осознал, но на всякий случай ответил:

– Виноват, Ваше Сиятельство.

– Ладно, на сей раз, так тому и быть, прощаю, ибо в этом предприятии, мы с тобой сообщники, едва ли, не на равных. – Чем польстил Ефремушке, что чувствовал себя чуть ли не на седьмом небе от радости.

– Ваше Сиятельство, так я завсегда готов услужить, – не упустил случая подчеркнуть своё положение дворовый. Как бы ни был к нему расположен барин, Ефремушка всё равно оставался прислугой, пусть и на особом счету, а сам присматривался к портрету девушки на миниатюре.

Ничего такого особенного он в ней не заметил: красива, тут даже спорить нечего, молода, глазки вон какие острые и с изюминкой, но не более того. «И чего такого в ней барин сыскал?» – про себя только подумал он.

– Как тебе, зазноба? – словно прочитав его мысли, обратился граф.

– Хороша... – а сам вспомнил девушек, что доили коров барских в имении, тоже хорошенькие. Вспомнил как они меж собой переговаривались: «А хлопчик-то видный из него вырастет», да только не очень-то и обращал внимания на их пересуды, по малолетству. Сейчас-то понял, о чём они говорили, да уже другими заботами нагружает барин, не до этого. И всё одно, умудряется порою побаловаться с дворовой Меланьей, пусть и не такая уж красавица, что на портрете, так и он не барин. Но про то он умолчал. У Ефремушки тоже ить должны быть свои небольшие секреты.

– Не то слово, Ефремушка. Это тебе не девки площадные, самородок, – подняв вверх указательный палец, дабы больше подчеркнуть достоинства девушки, произнёс граф. – Дорогой бриллиант дорогой оправы требует, так ведь? Хотя, откуда тебе знать такие тонкости...

– Ну что, Ефремушка, рассмотрел? Сможешь повернуть? Дело-то, непростое, тем паче, основную часть, самую главную, провести надо ночью. А коли она не одна, не спутаешь?

– Ваше Сиятельство, как Вы можете во мне сомневаться?

– Сомнения всегда необходимы, без этого никак. Ежели всему подряд доверяться, что тогда получится, а, Ефремушка? – вопросительно посмотрел на него граф.

– Непорядок, конечно же, барин.

– То-то и оно.

– Деньгами тебя на неотложные нужды обеспечу, но токмо трать с умом, не разбазаривай. На всякие попойки, на продажных девок, коих пруд пруди, что в столице, что в провинции, помни, главное и на первом месте служба. – Выезжать в зимнюю пору, да в какую-то глушь, Ефремушке хоть и не улыбалось, но делать нечего, хозяин-барин.

За то и кормит, одевает-обувает. – Завтра, послезавтра выедешь, а там уже сторговывай по обстановке. В этом деле ты специалист, никто за тобой не угонится. Не порочь своё второе имя. И, думаю на сегодня достаточно, да и время уже позднее, – граф намекнул ему, что так называемая аудиенция закончена.

– А теперь можно и душу кофейком побаловать, – граф взял чашку со стола, с уже несколько остывшим напитком. – Бери чашку, Ефремушка. Аль, я тебе подать должен?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.